

Бобылев Максим Романович,

аспирант кафедры частно-правовых (цивилистических наук) Московского университета им. А.С. Грибоедова, магистр права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносов по направлению «Интеллектуальные права, искусственный интеллект и цифровые технологии»

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАДЕЛЬЦЕВ НЕЙРОСЕТЕЙ ЗА
ГЕНЕРАЦИЮ КОНТЕНТА, НАРУШАЮЩЕГО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ
ПРАВА: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Аннотация. В статье проводится комплексное правовое исследование проблем гражданско-правовой ответственности разработчиков и владельцев генеративных нейронных сетей в случае создания контента, нарушающего исключительные права третьих лиц. Анализируется текущее состояние законодательства Российской Федерации, в частности части четвертой Гражданского кодекса РФ, в контексте вызовов, порожденных технологиями искусственного интеллекта. Рассматриваются квалификации действий ИИ на этапах обучения модели и генерации результата с точки зрения способов использования произведений. Особое внимание уделяется разграничению ответственности между пользователем, провайдером услуги и разработчиком алгоритма.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, исключительные права, авторское право, гражданско-правовая ответственность, обучение машин, генеративный контент, цифровое право.

Abstract. The article conducts a comprehensive legal study of the problems of civil liability of developers and owners of generative neural networks in the event of creating content that violates the exclusive rights of third parties. The current state of the legislation of the Russian Federation, in particular Part Four of the Civil Code

of the Russian Federation, is analyzed in the context of challenges generated by artificial intelligence technologies. The qualifications of AI actions at the stages of model training and result generation are considered from the point of view of methods of using works. Special attention is paid to the differentiation of liability between the user, the service provider, and the algorithm developer.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, exclusive rights, copyright, civil liability, machine learning, generative content, digital law.

Современный этап развития цифровых технологий характеризуется беспрецедентным внедрением алгоритмов машинного обучения и генеративных нейронных сетей в различные сферы общественной жизни. От создания художественных изображений и литературных текстов до написания программного кода и генерации музыкальных композиций искусственный интеллект (*далее по тексту – «ИИ»*) перестал быть экспериментальной технологией и превратился в мощный инструмент производства контента. Однако стремительная технологическая эволюция опережает темпы нормотворчества, создавая значительные правовые коллизии, особенно в сфере интеллектуальной собственности.

Центральной проблемой современного правового поля становится вопрос о распределении ответственности за нарушения исключительных прав, допущенные с использованием ИИ. Традиционная конструкция авторского права, сформировавшаяся в эпоху аналогового воспроизведения и основанная на антропоцентричной парадигме творчества, оказывается недостаточно гибкой для регулирования отношений, где субъектом создания объекта права формально выступает не человек, а алгоритм. В российской юридической науке дискуссия о правовом статусе результатов деятельности ИИ ведется достаточно активно, однако вопрос ответственности владельцев нейросетей за

контент, генерируемый их продуктом, остается в значительной степени неизученным¹.

Прежде чем переходить к анализу ответственности, необходимо четко определить правовой статус участников отношений, складывающихся вокруг генеративных нейронных сетей. В классической теории авторского права ключевым элементом является фигура автора, то есть физического лица, творческим трудом которого создано произведение. Статья 1228 ГК РФ² императивно устанавливает, что автором результата интеллектуальной деятельности может быть признано только гражданин. Это положение создает фундаментальный барьер для признания нейронной сети субъектом права или автором. Нейросеть, будучи программой для ЭВМ или базой данных, является объектом гражданских прав, но не их субъектом.

Однако в контексте ответственности за нарушение прав нас интересует не столько авторство на результат, сколько действия, приводящие к созданию этого результата. Здесь возникает дихотомия: является ли нейросеть просто инструментом в руках пользователя или же она выступает как автономный агент, действия которого должны вменяться владельцу технологии?

Если рассматривать нейросеть как инструмент, то ответственность за нарушение исключительных прав должна лежать на пользователе, который сформулировал запрос (*далее по тексту – «промт»*) и использовал полученный результат. Такая позиция соответствует традиционному пониманию использования технических средств. Однако специфика генеративных моделей заключается в том, что пользователь часто не может предвидеть точный результат генерации. Алгоритм, обученный на миллионах изображений, или текстов, выдает результат на основе вероятностных связей,

¹ Гурова, М. Е. Право интеллектуальной собственности: авторское право на труды искусственного интеллекта // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2021. — № 6. — С. 58-60.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». — М.: Российская газета, 2006. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 30.03.2026).

скрытых от понимания конечного пользователя. Пользователь вводит запрос «картина в стиле Ван Гога», но не указывает конкретное произведение, которое должно быть скопировано. В этом случае возлагать всю полноту ответственности на пользователя представляется несправедливым и неэффективным, так как он не обладает контролем над внутренней логикой работы модели.

С другой стороны, владелец нейросети (разработчик или оператор платформы) контролирует архитектуру модели, выбор обучающей выборки и параметры фильтрации выходных данных. Именно на этапе обучения закладываются потенциальные возможности нарушения прав. Если модель обучалась на произведениях, использованных без разрешения правообладателей, и в результате генерирует контент, воспроизводящий охраняемые элементы, то причинно-следственная связь между действиями владельца модели и нарушением прав является прямой.

В российской доктрине интеллектуального права вопрос о балансе интересов создателей и пользователей технологий поднимался неоднократно. В частности, в работах Ивана Анатольевича Близнеца акцентируется внимание на необходимости сохранения системности института интеллектуальной собственности. Профессор Близнец указывал на то, что чрезмерное расширение исключительных прав может затормозить технологический прогресс, однако и полное игнорирование прав авторов в цифровой среде ведет к размыванию самой сути института авторства. Применительно к нейросетям этот баланс смещается. Если классическое копирование требует активного действия со стороны нарушителя, то в случае с ИИ копирование может происходить в скрытой форме, непосредственно в весах нейронной сети³.

³ Близнец, И. А. Новые взгляды на право интеллектуальной собственности, предложенные в общей теории авторства / И. А. Близнец, В. С. Витко // Вестник гражданского права. — 2024. — № 3. — С. 12–34.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является правовая квалификация процесса обучения (тренировки) нейронных сетей. Для того чтобы генеративная модель могла создавать качественные изображения или тексты, она должна быть обучена на огромных массивах данных (датасетах). Эти датасеты часто формируются путем автоматического сбора информации из открытых источников интернета, включая сайты портфолио художников, библиотеки текстов, фотобанки и т.д.

С точки зрения положений части четвертой ГК РФ, копирование произведения в базу данных для последующей обработки алгоритмом является воспроизведением (п. 1 ст. 1270 ГК РФ). Исключение составляют случаи, подпадающие под понятие свободного использования произведения (ст. 1273–1280 ГК РФ). Наиболее близкой нормой представляется статья 1273.1 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 01.07.2021 № 259-ФЗ)⁴, которая допускает воспроизведение и доведение до всеобщего сведения произведений в информационных целях, однако она сформулирована достаточно узко и не покрывает коммерческое обучение ИИ-моделей.

Если обучение модели признается использованием произведения, то владелец нейросети обязан получить разрешение от правообладателя (лицензионный договор) или выплатить вознаграждение в рамках коллективного управления правами. Отсутствие таких разрешений делает всю модель, по сути, «контрафактным продуктом» с момента ее создания. Следовательно, любая генерация контента такой моделью является продолжением длящегося правонарушения.

Проблема усугубляется тем, что в процессе обучения произведение может не храниться в явном виде, а транслироваться в математические веса связей нейрона. Некоторые разработчики утверждают, что поскольку

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». — М.: Российская газета, 2006. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 30.03.2026).

оригинальный файл не сохраняется, воспроизведения не происходит. Однако такая позиция противоречит сути авторского права, которое охраняет форму выражения, а не материальный носитель. Извлечение признаков из произведения для создания конкурентного продукта (каким является модель ИИ) без согласия автора является формой недобросовестной конкуренции и нарушения исключительных прав одновременно.

В этой связи ответственность владельца нейросети должна наступать уже за факт создания и введения в оборот модели, обученной на нелицензионном контенте. Это не означает запрет на развитие ИИ, но требует создания механизмов лицензирования датасетов. В противном случае владельцы нейросетей получают необоснованное преимущество, экономя на выплатах правообладателям, что искажает условия рыночной конкуренции.

Перейдем к анализу ответственности за конкретный результат генерации. Ситуация, когда нейросеть выдает изображение, практически идентичное охраняемому произведению, или текст, содержащий фрагменты чужого романа, является наиболее очевидным случаем нарушения. Однако сложность заключается в установлении субъективной стороны правонарушения (вины) владельца нейросети.

В соответствии со статьей 1252 ГК РФ⁵, нарушение исключительного права может пресекаться независимо от вины нарушителя (например, путем изъятия контрафакта). Однако для взыскания компенсации (ст. 1301 ГК РФ) или возмещения убытков (ст. 15 ГК РФ) обычно требуется наличие вины, если иное не предусмотрено законом. В отношениях между профессиональными участниками рынка (разработчик ИИ и правообладатель) презумпция вины работает в полную силу. Владелец нейросети является предпринимателем,

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». — М.: Российская газета, 2006. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 30.03.2026).

осуществляющим деятельность с целью извлечения прибыли, и обязан предвидеть риски нарушения прав.

Аргумент о том, что разработчик «не знал и не мог знать», что именно сгенерирует нейросеть в ответ на конкретный запрос пользователя, несостоятелен с правовой точки зрения. Разработчик создал инструмент, обладающий свойством генерировать потенциально нарушающий права контент, и не внедрил достаточных мер защиты (фильтров).

Особую сложность представляет доказывание факта нарушения. В традиционном авторском споре эксперт сравнивает два объекта. В случае с ИИ необходимо доказать, что модель «выучила» конкретное произведение и воспроизвела его. Это требует доступа к архитектуре модели и весам, что является коммерческой тайной разработчика. Здесь возникает процессуальная проблема: как правообладателю получить доказательства нарушения, не раскрывая свои секреты и не получая доступ к коду ответчика? Представляется необходимым введение процессуальной презумпции: если результат генерации имеет существенное сходство с охраняемым произведением, бремя доказывания легальности обучения модели возлагается на владельца нейросети.

Развитие права в области ИИ невозможно без опоры на фундаментальную доктрину. В российской науке интеллектуального права сформировалась сильная школа, исследующая проблемы цифровизации. В частности, в трудах И.А. Близнеца проводится мысль о том, что интеллектуальная собственность не должна рассматриваться изолированно от общих начал гражданского права⁶. Принцип добросовестности (ст. 1 ГК РФ) является тем камертоном, по которому следует настраивать специальные нормы об ИИ. Если владелец нейросети извлекает прибыль, используя чужой творческий труд без компенсации, это нарушает баланс частных и публичных интересов. Близнец подчеркивал важность сохранения стимулирующей

⁶ Близнец, И. А. Депонирование в условиях цифровых технологий: за и против : монография. — Москва : Проспект, 2025. — 192 с.

функции авторского права. Если авторы не будут получать вознаграждение за использование их произведений в ИИ, мотивация к созданию новых оригинальных работ снизится, что в итоге обеднит и сами обучающие выборки для будущих нейросетей.

Также стоит отметить, что в доктрине обсуждается вопрос о коллективном управлении правами в цифровую эпоху. Для массового использования произведений в ИИ индивидуальное лицензирование может быть слишком затратным. Расширение полномочий организаций по коллективному управлению правами (ОКУП) для выдачи лицензий на использование произведений в машинном обучении могло бы стать выходом из тупика. Это соответствует идеям о системной организации оборота прав интеллектуальной собственности, развиваемым в работах ведущих российских цивилистов.

На основании проведенного анализа можно сформулировать ряд предложений по модификации законодательства Российской Федерации для урегулирования ответственности владельцев нейросетей.

Во-первых, необходимо внести изменения в часть четвертую ГК РФ, дополнив ее статьей, регулирующей использование произведений в целях машинного обучения. Целесообразно ввести легальное определение «анализа данных в целях обучения ИИ» и установить для него специальный режим. Этот режим может предполагать возможность использования без согласия автора, но с обязательной выплатой вознаграждения (схема обязательного лицензирования с вознаграждением). Это снимет риск признания всех современных моделей контрафактными, но обеспечит экономические интересы авторов. Ставка вознаграждения могла бы определяться соглашением сторон или, в случае спора, судом, с учетом коммерческой выгоды разработчика.

Во-вторых, следует закрепить презумпцию ответственности владельца генеративной нейросети за контент, нарушающий исключительные права, если не будет доказано, что им были приняты все разумные меры для

предотвращения такого нарушения. К таким мерам можно отнести: использование лицензионных датасетов, внедрение фильтров на выходе, блокировку запросов на генерацию в стиле конкретных живых авторов (по требованию). Это перекладывает бремя заботы о чистоте прав на того, кто контролирует технологию и извлекает из нее прибыль.

В-третьих, необходимо уточнить статус информационных посредников. Владельцы платформ, предоставляющих доступ к генеративным моделям, не должны автоматически подпадать под исключения статьи 1253.1 ГК РФ, если они активно участвуют в монетизации генерации (например, берут плату за подписку или за количество сгенерированных изображений). В таком случае они должны нести ответственность солидарно с пользователем или самостоятельно, в зависимости от условий оферты.

В-четвертых, важно развивать механизмы маркировки контента, созданного ИИ. Введение обязанности указывать на то, что произведение сгенерировано нейросетью, поможет правообладателям быстрее выявлять нарушения и упростит доказывание в суде. Это также соответствует глобальным трендам на прозрачность цифрового контента.

Таким образом, владельцы генеративных нейросетей должны нести гражданско-правовую ответственность за нарушение исключительных прав, поскольку процесс обучения моделей на охраняемых произведениях квалифицируется как использование, требующее согласия правообладателя, а ссылка на статус информационного посредника в данном случае недопустима. Для устранения правовой неопределенности необходимо совершенствование части четвертой ГК РФ путем введения специального режима машинного обучения с механизмами обязательного лицензирования и презумпцией вины разработчика при отсутствии должной фильтрации данных.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ «О введении в действие части

четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». — М.: Российская газета, 2006. —

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 30.03.2026).

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 41. — ст. 5700.

2. Блинец, И. А. Право интеллектуальной собственности : учебник / под ред. И. А. Блинеца. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2015. — 896 с.

3. Блинец, И. А. Депонирование в условиях цифровых технологий: за и против : монография. — Москва : Проспект, 2025. — 192 с.

4. Блинец, И. А. Новые взгляды на право интеллектуальной собственности, предложенные в общей теории авторства / И. А. Блинец, В. С. Витко // Вестник гражданского права. — 2024. — № 3. — С. 12–34.

5. Блинец, И. А. Депонирование произведений и презумпция авторства / И. А. Блинец, Р. Р. Ахметов // Юрист. — 2024. — № 8. — С. 33–40.

6. Гурова, М. Е. Право интеллектуальной собственности: авторское право на труды искусственного интеллекта // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2021. — № 6. — С. 58-60.